Печатано съ дозволенія Духовной цензуры.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА,

СВѢТЛѢЙШАГО КНЯЗЯ

МИХАИЛА СЕМЕНОВИЧА

ВОРОНЦОВА.

СЛОВО

при погребеніи Генералъ-Фельдмаршала, Свѣтлѣйшаго Князя, Михаила Семеновича Воронцова, произнесенное въ Одесскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, Синодальнымъ членомъ, Высокопреосвященнымъ Иннокентіемъ, Архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ, 10 Ноября 1856 года.

Итакъ, моимъ слабымъ устамъ суждено обратить къ Тебѣ, почившій въ Бозѣ Князь, послѣднее на земли слово, и воздать тебѣ послѣдній христіанскій долгъ! — Утѣшаясь столько времени, и личною пріязнію Твоею, и множествомъ лавровъ на главѣ Твоей, мнѣ же должно теперь быть провозвѣстникомъ и всеобщей скорби о кончинѣ Твоей и собрать печальные кипарисы на гробницу Твою!... Не трудно окружить ими гробъ маститаго Героя и мудраго Областеправителя; но какъ тяжело поднять руку, чтобы, по знаменательному уставу Св. церкви,

бросить — на прощаніе — горсть праха въ могилу Твою!... О, здѣсь-то познаёмъ во всей силѣ, въ какую неисходную глубину золъ низринуто грѣхомъ все падшее человѣчество, и какъ необходимо было для всѣхъ насъ явленіе на земли и во плоти Того, Кто могъ сказать о Себѣ всѣмъ потомкамъ Адамовымъ: *Азъ есмь воскресеніе и животъ! Вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ! *)*

Мы надѣялись, возлюбленный Князь, срѣтить съ особенною радостію приближавшійся день Ангела Твоего; думали украсить его, преимущественно любезными для Тебя, цвѣтами благотворительности; а Ты, какъ бы по тайному мановенію свыше, поспѣшилъ самъ въ міръ Ангельскій, для пріятія *новаго* таинственнаго имени **), обѣщаннаго отъ Небеснаго Мздовоздаятеля тѣмъ, кои добрѣ подвизались на земли и соблюли вѣру и терпѣніе до конца *)!...

Не прерѣкаемъ новому горнему призванію Твоему, какъ ни внезапно оно было для

---

*) Іоан. XI, 26.

**) Апок. 11, 17.

насъ, и исполнимъ съ своей стороны все, что можетъ содѣйствовать восходу твоему въ обители Отца небеснаго; но, воздая Тебѣ послѣдній на земли долгъ, не можемъ не воспріять и послѣдняго урока изъ жизни и дѣяній Твоихъ: кончина подобныхъ Тебѣ мужей не должна прейти безъ особеннаго назиданія для остающихся на землѣ.

Знаемъ, что Ты не любилъ похвалъ и не терпѣлъ звучныхъ отзывовъ о подвигахъ Твоихъ: не услышишь ихъ и теперь! Скажется одно то, что можетъ служить во славу Божію и въ общее наставленіе каждаго. Въ этомъ, какъ христіанинъ, не можешь Ты отказать намъ — изъ самаго гроба Твоего!

Составъ земной жизни каждаго человѣка, брат. мои, слагается какъ бы изъ двухъ частей, изъ коихъ первая, нисколько не завися отъ насъ самихъ, по тому самому всецѣло принадлежитъ нашему Творцу и Господу. Это, такъ называемые, дары природы и естественныя способности наши, коими всеблагая десница Творческая напутствуетъ каж-

даго человѣка, *грядущаго въ міръ* *)
Какъ ничѣмъ еще не заслуженные, дары сіи, въ самой наибольшей совокупности своей, не составляютъ сами по себѣ нравственнаго достоинства въ человѣкѣ; могутъ даже, при злоупотребленіи ими, обращаться въ тягчайшую вину для него: но, по намѣренію Промысла Божія, должны служить основаніемъ и условіемъ къ его будущимъ заслугамъ и достоинству. Вторая часть въ составѣ земнаго бытія нашего, находясь такъ же въ тайной зависимости отъ Промысла Божія, отдана, можно сказать, въ собственныя наши руки. Это-самое употребленіе въ дѣло данныхъ намъ при рожденіи силъ и талантовъ, иначе сказать, вся совокупность нашихъ свободныхъ чувствъ, мыслей и дѣйствій, Поелику тутъ мѣсто всей свободѣ и произволу человѣка; то здѣсь же полное мѣсто его заслугѣ и нравственному достоинству, его прославленію, или осужденію предъ Богомъ и человѣками.

Обозрѣвая, сообразно сему, окончившееся уже теперь земное поприще

*) Іоан. 1. 9.

Почившаго въ Бозѣ Князя, мы тотчасъ, брат. мои, чувствуемъ необходимость обратиться отъ гроба сего къ Небу и принести, отъ лица Почивающаго въ немъ, глубочайшую благодарность Тому, кто, еще до происхожденія нашего на свѣтъ, Единъ, по своей его волѣ, предопредѣляетъ жребіи человѣческіе и раздаетъ разные таланты.

Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ усумнится сказать, что усопшій Князь пріялъ отъ небеснаго Домовладыки не одинъ или два, а десять талантовъ? Это стройное сложеніе и крѣпость силъ тѣлесныхъ видимо предуготованы были для обширной и неутомимой дѣятельности и для безвреднаго перенесенія самыхъ тяжкихъ трудовъ. Этотъ глубокій, свѣтлый и проницательный, умъ самъ собою стремился къ предметамъ возвышеннымъ, ища всюду и во всемъ того, что можетъ служить на пользу общую. Это величіе духа, сила воли и постоянство характера, даже безъ внѣшнихъ побужденій, заключали въ самихъ себѣ рѣшимость на самые великіе и долговременные подвиги, — небоязнь ни-

какихъ препятствій или опасностей. Это глубокое чувство порядка, благоустройства и благолѣпія, очевидно, нигдѣ не могло быть покойнымъ дотолѣ, пока не распространитъ порядка, довольства и радости вокругъ себя. Эта доброта сердца, мягкость нрава и тонкій вкусъ заранѣе обѣщали всегдашнюю доступность, привлекательность въ обхожденіи и готовность къ оказанію всякому возможныхъ услугъ, ручаясь взаимно за всеобщее благорасположеніе и приверженность къ Почившему.

Присоедините къ сему — что̀ такъ же есть даръ Божій, — полную независимость по внѣшнему состоянію, высоту, такъ называемаго, положенія въ свѣтѣ, превосходное воспитаніе, возможность съ раннихъ лѣтъ видѣть самые лучшіе образцы во всемъ и постоянно находиться въ кругу людей, коихъ одно обхожденіе есть уже наука;— и вы, взирая на такое счастливое совокупленіе въ одномъ лицѣ и природныхъ даровъ и внѣшнихъ условій къ ихъ развитію, невольно ожидаете отъ будущаго дѣйствователя — человѣка необыкновеннаго.

Таковъ и былъ, почившій о Господѣ, Собратъ нашъ! Много пріялъ онъ отъ руки Господней; но немало и воздалъ съ лихвою Небесному Раздаятелю талантовъ. Дѣла и труды его такъ великіи и разнообразны, что въ лицѣ его работалъ и подвизался, кажется, не одинъ человѣкъ, а какъ бы нѣкое собраніе лицъ, — и всѣ онѣ преразумны и общеполезны, и всѣ достойны уваженія и любви!

Начнемъ съ военнаго поприща, какъ главнаго въ жизни Почившаго. Здѣсь, чтобы обнять хотя бѣглымъ взоромъ дѣянія Фельдмаршала, надобно возобновить въ мысляхъ едва не всю исторію текущаго столѣтія. Ибо, при самомъ началѣ его, мы уже видимъ нашего Витязя за предѣлами Кавказа, — тамъ, гдѣ голубица всему человѣчеству, въ лицѣ Ноя, принесла нѣкогда оливу мира*), и гдѣ потомъ, какъ бы на перекоръ провидѣнію и на пагубу человѣчества, основалъ себѣ жилище духъ брани и кровопролитія. Юнъ еще былъ въ то время будущій Герой нашъ — не болѣе двадесяти лѣтъ — но это нисколько не препятствовало его рѣдкимъ

(* Быт. VIII, 11.

способностямъ быть скоро примѣченными, почему, не смотря на юность, онъ не только пользуется вниманіемъ и близостію посѣдѣвшихъ въ бояхъ Военачальниковъ Кавказскихъ, но и употребляется ими въ такихъ дѣлахъ, кои, кромѣ военнаго мужества, требуютъ особеннаго благоразумія въ обхожденіи съ людьми.

Пріявъ такимъ образомъ первые уроки въ наукѣ брани, послѣ другихъ учителей, можно сказать, отъ самаго Кавказа, Витязь нашъ, какъ бы для испытанія въ изученномъ, преносится, по волѣ начальства, на берега Дуная, гдѣ брань, не смотря на ея продолжительность, не имѣя рѣшительнаго характера, не могла имѣть и рѣшительныхъ послѣдствій, но, по самому мѣсту своему и другимъ обстоятельствамъ, чрезвычайно способна была къ упражненію и развитію талантовъ военныхъ. Здѣсь Воронцовъ въ непродолжительномъ времени удостоивается водительствовать преемственно разными частями рати отечественной, и вездѣ, гдѣ ни является въ семъ качествѣ, достигаетъ такихъ успѣховъ, кои скоро и далеко возносятъ его надъ многими

изъ сверстниковъ, радуя собою и такихъ вождей, каковы были: Каменскій и Кутузовъ. — Рядъ военныхъ отличій и постоянное вниманіе Власти предержащей сами собою слѣдуютъ за рядомъ его разнообразныхъ заслугъ и блистательныхъ успѣховъ.

Не успѣла еще нерѣшительная война на югѣ прекратиться, какъ возгарается самая рѣшительная брань на западѣ Имперіи: наступаетъ 1812 годъ! Врагъ,— и какой врагъ! — уже не на предѣлахъ только Отечества, а перешедъ ихъ, съ многочисленными полчищами и полною надеждою на успѣхъ, стремится нагло къ сердцу Россіи!... И Дунайскій Витязь нашъ, вмѣсто отдыха послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ трудовъ, одинъ изъ первыхъ съ береговъ Дуная спѣшитъ къ верховьямъ Днѣпра, дабы стать въ ряды рати отечественной, которая, и въ полномъ составѣ своемъ далеко не равная врагу, а по причинѣ неизбѣжнаго въ то время раздѣленія своего на двѣ половины, еще болѣе ослабленная, должна потому восполнять малочисленность свою ничемъ другимъ, какъ только муже-

ствомъ своихъ воиновъ и искуствомъ Военачальниковъ. Герою нашему (мы можемъ уже отселѣ называть его симъ именемъ) выпадаетъ жребій—сражаться за отечество подъ знаменами неустрашимаго Багратіона. Какъ на Дунаѣ, сообразно, большею частію, наступательному движенію нашему, онъ всегда былъ впереди; такъ теперь, по причинѣ оборонительнаго положенія, онъ всегда остается назади, отражая и останавливая на каждомъ шагу превозмогающаго числомъ непріятеля. Романовъ, Дашковка, а потомъ стѣны Смоленска съ радостію видятъ въ лицѣ Воронцова, что у насъ, кромѣ маститыхъ Военачальниковъ, есть и юные герои, для коихъ не страшенъ ни геній Наполеона, ни тьмочисленность его легіоновъ....

Тѣснимая врагомъ, хотя ни разу не побѣжденная, рать наша находитъ наконецъ для себя мѣсто твердой опоры и благоуспѣшнаго сопротивленія врагу на поляхъ Бородина; тутъ долженъ рѣшиться кровавый споръ Россіи съ народами почти всей остальной Европы, предводимыми Исполиномъ брани; тутъ

посему лягутъ костьми тысячи и тьмы сыновъ Отечества!... Что ожидаетъ здѣсь нашего юнаго Героя, о которомъ заранѣе можно сказать, что онъ, по преизбытку любви къ Отечеству, будетъ искать или побѣды, или смерти?... Ожидаетъ самое опасное, и потому самое почетное, мѣсто въ бою (онъ и здѣсь стоитъ о страну Багратіона!); ожидаетъ честь принять и отразить самые отчаянные натиски врага; ожидаетъ наконецъ давно желанное имъ, ничемъ для высокихъ душъ незамѣнимое, отличіе — пролить кровь свою за Отечество... Тяжелая язва заставляетъ его оставить поле сраженія; но уже когда видимо стало, что исходъ брани не по желанію врага. Самое свойство язвы таково, что не отъемлетъ надежды, рано или поздо, паки явиться на защиту любезнаго Отечества.

Между тѣмъ, — да замѣтятъ сіе въ урокъ себѣ тѣ, кои могутъ находиться въ подобныхъ обстоятельствахъ! — удаленный съ поля брани, стеная отъ язвы въ одномъ изъ близь лежащихъ владѣній своихъ, Герой Бородина, полный любовію къ страждущему Отечеству,

измышляетъ для себя, и на этотъ промежутокъ времени, нѣкій новый родъ служенія соотчичамъ — тѣмъ, что, пользуясь преимуществами своего состоянія, обращаетъ и домъ и все владѣніе свое въ пріютъ и убѣжище для военныхъ собратій своихъ, кои, подобно ему, страдали и искали исцѣленія отъ язвъ, но не имѣли такихъ, какъ онъ, средствъ къ возстановленію своего здравія. Нужно ли говорить, что способы сіи доставляются каждому самою заботливою и щедрою рукою? — И, Герой-благотворитель находитъ для себя, среди недуга своего, неоцѣненное для добрыхъ сердецъ, утѣшеніе — возвратить на служеніе Отечеству цѣлые ряды воиновъ-героевъ.

Имѣя въ виду, какое множество предметовъ предлежитъ еще взору нашему, не будемъ, брат., утомлять вниманія вашего подробнымъ повѣствованіемъ о томъ, какъ Почившій, по востаніи съ одра своего, спѣшитъ настигнуть пламя войны, которое начало удаляться тогда отъ самыхъ предѣловъ Отечества; не будемъ вести васъ за военнымъ поприщемъ его — по всѣмъ извилинамъ той

исполинской брани, которая, по возвратѣ изъ Москвы, прошедъ чрезъ столько полей сраженій, чрезъ столько царствъ и народовъ, нашла себѣ конецъ не прежде, какъ въ стѣнахъ Парижа. На сей разъ довольно сказать, что не было ни одного великаго дня въ этой великой брани, (а сколько было такихъ дней?) гдѣ бы Почившій не оказалъ или своего, признаннаго всѣми, военнаго мужества и знанія, или своего, такъ же никѣмъ неоспориваемаго, искуства вести дѣла и не военныя. Не можемъ однакоже не остановить вниманія вашего на томъ, чрезвычайно важномъ и рѣшительномъ дѣлѣ, гдѣ Почившему надлежало стать — съ воями своими — лицемъ къ лицу противъ перваго въ свѣтѣ Полководца, коего одно имя приводило въ страхъ и не робкихъ, и который чѣмъ ближе становился къ своему паденію, тѣмъ казался способнѣе и отважнѣе къ подавленію всего, ему противустоящаго. Это дѣло — Краонъ! — самый цвѣтущій и неувядаемый лавръ въ военномъ вѣнцѣ Воронцова! —

Чего тутъ не было противу насъ? И военный геній противника, и муже-

ство и число его воевъ, и самое, общее и ему и имъ, отчаяніе; ибо подъ ногами ихъ начинала уже разверзаться бездна... Но, ничто не могло помочь тому, кто былъ оставленъ самимъ Богомъ! Превосходный въ силахъ, сражаясь цѣлый день, не щадя никакихъ жертвъ, врагъ не могъ похвалиться ничѣмъ, кромѣ развѣ того, что не былъ обойденъ и уничтоженъ, какъ тому слѣдовало быть, если бы и вожди союзныхъ ратей успѣли выполнить свой долгъ такъ, какъ выполнилъ его Воронцовъ. Въ сей рѣшительный день, онъ, по признанію всѣхъ, былъ честію и красою Русской Арміи.— На поляхъ Краона могъ утвердиться колеблющійся вѣнецъ на главѣ Повелителя Галловъ; и здѣсь-то именно онъ поколебался до того, что ничѣмъ уже не могъ быть утвержденъ, и долженъ былъ вскорѣ упасть съ сей главы—единожды и навсегда!...

Когда послѣ безразсуднаго покушенія этого, развѣнчаннаго уже, повелителя— возвратить себѣ, вопреки собственнаго отреченія, царственныя права надъ Галліею, надлежало оставить тамъ на нѣ-

сколько лѣтъ часть нашей рати, и требовался военачальникъ, могущій, кромѣ военныхъ достоинствъ, представлять собою честь Русской Арміи и не въ военномъ отношеніи, — то это почетное званіе, какъ бы само собою, пало на долю Героя Краонскаго. Какъ успѣшно исполнилъ онъ сіе, не безтрудное во многихъ отношеніяхъ, порученіе, свидѣтельствуетъ и памятникъ признательности, поднесенный ему потомъ его подчиненными, и отзывы самыхъ Галловъ, кои, срѣтая ведомыя имъ войска какъ неприятныхъ для себя стражей, разставались потомъ съ ними, какъ съ благодѣтелями и друзьями.

Сей-то, безъ сомнѣнія военно-гражданскій подвигъ былъ главною причиною, что почившій Князь съ поприща брани изведенъ вскорѣ Державною волею на новое поприще — областеначальства, не отлагая впрочемъ и меча военачальническаго. — Отселѣ, по тому самому, еще труднѣе будетъ слѣдовать намъ за дѣяніями Его — на двухъ поприщахъ вмѣстѣ, но будемъ слѣдовать: ибо сопровождаемъ его теперь, увы, въ послѣдній уже разъ на земли!

Изъ здѣ-стоящихъ многіе, безъ сомнѣнія, помнятъ еще то время, когда на Графа Воронцова возложено было главное управленіе нашимъ краемъ. Усумнится ли кто изъ таковыхъ засвидѣтельствовать, что съ этого времени началась какъ бы нѣкая новая пора для всей страны нашей, и особенно для здѣшняго града? — Для общаго блага ихъ недостаточно было, какъ въ другихъ мѣстахъ, одного благоразумнаго управленія краемъ, одного направленія готовыхъ уже силъ и средствъ къ извѣстной цѣли. Нѣтъ, здѣсь для успѣха, кромѣ ума и усердія, требовалась въ Правителѣ особенная высота души и сердца, требовалось нѣкотораго рода — творчество. И въ новомъ Областеначальникѣ явился тогда какъ бы нѣкій духъ зиздительный, отъ коего всей новой Россіи суждено пріять полную жизнь и опредѣленный образъ бытія гражданскаго, сообразный ея внутреннему составу и внѣшнему положенію. И много ли времени потребовало для себя это гражданское творчество? Конечно не шесть дней, какъ твореніе міра, но и не многихъ десяти-

лѣтій, какъ въ другихъ странахъ. Въ продолженіи не болѣе двадесяти-пяти-лѣтняго управленія Почившимъ страною нашею, преспѣяніе оной по всѣмъ частямъ возрасло до того, что могло послужить недавно, какъ вѣдаете, для руки Державной неоскуднымъ матеріяломъ къ составленію четырехъ прекрасныхъ картинъ нашего края.

Желаете ли знать причину, и, такъ сказать, тайну сихъ успѣховъ? Она была весьма проста и естественна, и потому то, безъ сомнѣнія, такъ дѣйствительна и плодоносна. Первѣе всего, просвѣщеннымъ вниманіемъ начальническимъ, какъ бы нѣкіимъ дыханіемъ живительнымъ, пробуждается по всему, пустынному еще, краю духъ жизни и самосознанія, духъ движенія и полезной предпріимчивости: каждому изъ пробуждающихся членовъ общества указуются недостававшіе для общежитія и сродные краю предметы занятій и промышленности; разумнымъ начинателямъ оказывается благовременная помощь и всегдашнее поощреніе: чего не достаетъ дома, то заемлется немедленно изъ чуждыхъ странъ.

Къ той же великой цѣли — образованія новой Россіи направляются всѣ дѣйствія высшаго управленія. Здѣсь, брат. мои, мы не кончили бы до утрія, если бы захотѣли подробно излагать всѣ дѣйствія почившаго Областеправителя на пользу нашего края; но, поелику онѣ гораздо извѣстнѣе Вамъ, кои были ихъ личными свидѣтелями, нежели намъ, кои слышали о нихъ токмо издали; то со всею удобностію можно ограничиться указаніемъ только на самое главное.

Что важнѣе для насъ водъ нашихъ, коими могли бы мы снабдить цѣлую Россію? Но, по недостатку собственныхъ водныхъ сообщеній, моря наши оставались для насъ малоупотребительными и служили не столько къ сближенію, сколько къ разъединенію всѣхъ частей края; — и вотъ, рукою Почившаго разкидывается по всѣмъ водамъ нашимъ обширная сѣть искуственныхъ сообщеній, постоянныхъ, скорыхъ и благонадежныхъ, разкидывается въ то время, когда въ другихъ мѣстахъ еще сомнѣваются и спорятъ о пользѣ подобныхъ предпріятій. А что-

бы небыло недостатка въ домашнихъ водителяхъ плаванія, то, кромѣ школы мореходства, цѣлыя селенія, посредствомъ искусно придуманныхъ побужденій, превлекаются къ постоянному дѣйствованію и, такъ сказать, житью на морѣ.

Горы и долы южной Тавриды, при самой удобной почвѣ къ изращенію всѣхъ прозябеній благодатнаго юга, по удаленности отъ прочихъ населенныхъ частей Имперіи, продолжаютъ оставаться въ ихъ первоначальномъ дикомъ видѣ: приходитъ Почившій областеначальникъ, плѣняется ихъ пустынною красотою, провидитъ, что̀ можно извлечь на пользу общую изъ такой богатой природы, и немедленно самъ становится, можно сказать, первымъ дѣлателемъ въ въ этомъ будущемъ вертоградѣ всероссійскомъ. Примѣръ его увлекаетъ за собою другихъ любителей природы и общественной промышленности, съ коими онъ дѣлится всѣми своими средствами; — и въ небольшее число лѣтъ прежняя пустыня начинаетъ цвѣсти, яко кринъ, и тѣ, кои прежде, вдали отъ предѣловъ

Отечества должны были искать цѣльбоносныхъ волнъ морскихъ, южной теплоты и прекрасной природы, получаютъ удобность находить все это, такъ сказать, у себя самихъ — дома!

По обширнымъ брегамъ моря Меотійскаго надлежало стоять всюду и непрестанно на стражѣ противу ужаснаго врага — заразы восточной: является съ своимъ орлинымъ взглядомъ Почившій областеначальникъ, и тотчасъ усматриваетъ возможность устранить эту опасность единожды и навсегда. Какими нибудь особенными многосложными средствами? Нѣтъ, чрезъ одно простое закрытіе устьевъ сего моря на краткій срокъ для каждаго изъ приходящихъ плавателей иноземныхъ. Въ слѣдствіе сего, онъ достигаетъ своего мѣста нѣсколькими днями позже, но за то всюду является чистымъ отъ всякаго подозрѣнія въ опасности, и появленіемъ своимъ уже не производитъ ничего, кромѣ удовольствія и радости. А между тѣмъ на пустынныхъ брегахъ того же моря какъ бы изъ земли выходитъ новый городъ съ пристанью, который оживляемый осо-

бенным вниманіемъ и любовію своего основателя, вскорѣ оживляетъ собою всю, дотолѣ мертвую, окрестность, привлекая плавателей изъ всѣхъ частей свѣта.

Съ поверхности лица земли нашей, Почившій идетъ въ глубь, и, не смущаясь нисколько названіемъ пустынь скиѳскихъ, допрашиваетъ самую природу водъ и степей нашихъ; и что же? Воды, даже въ самомъ презрѣнномъ ихъ видѣ, оказываются способными къ исцѣленію такихъ недуговъ, съ коими напрасно боролось искуство врачебное; земля открываетъ въ нѣдрахъ своихъ множество такихъ веществъ, которыя, при всей невзрачности своей, превосходятъ самыя дорогія ископаемыя тѣмъ, что могутъ служить къ обезпеченію цѣлыхъ поколѣній въ самыхъ первыхъ потребностяхъ жизни.

Для многихъ новыхъ предпріятій, особенно по разнымъ частямъ хозяйства, не достаетъ туземныхъ дѣлателей: Почившій не медлитъ призвать ихъ отвсюду, употребляя для сего даже собственныя средства; и въ числѣ призванныхъ на время многіе, будучи обласканы, успокоены и привязаны къ новой странѣ

самыми успѣхами своими, остаются у насъ навсегда, усвояя новому отечеству и свои знанія, и свой примѣръ, и свое достояніе.

Одесса, какъ средоточіе дѣятельности правительственной, какъ мѣстопребываніе Областеправителя, — хотя онъ, можно сказать, былъ всегда и вездѣ, гдѣ нужно — служитъ предметомъ особенныхъ его попеченій, и, лелѣемая какъ дитя, растетъ видимо предъ всѣми другими градами — не нашего только края, распространяется и благоукрашается такъ, что въ продолженіи его управленія успѣваетъ принять видъ южной столицы Россіи, куда со всѣхъ краевъ стекаются — одни для возстановленія своего здоровья, другіе — для воспитанія дѣтей, иные — по надеждѣ скораго прибытка, многіе — для пріятнаго препровожденія времени.

Была среди мирныхъ занятій и эпоха шума военнаго, когда давній сосѣдъ и недругъ нашъ принудилъ насъ, въ наказаніе его неправдъ, прейти Дунай, а потомъ—Балканы. Почившій вполнѣ показалъ при семъ случаѣ, что мечь военачальника нисколько не потерялъ въ ру-

кахъ его остроты своей, находясь въ ножнахъ со временъ Краона. Упорная Варна растворяетъ врата свои и падаетъ не иначе, какъ предъ военною хоругвію Воронцова. Побѣдоносная рать наша, во дни оскудѣнія жизненныхъ потребностей, ни изъ чьихъ рукъ не получаетъ столько пособій, какъ изъ рукъ Правителя Новороссійскаго края.

Долговременный миръ, наступившій за сею упорною бранію, открылъ еще больше поприще для гражданской дѣятельности Почившаго; и она была такъ разнообразна и благотворна, что имя его, можно сказать, слилось съ именемъ управляемой имъ области, такъ что кто говорилъ о Новороссіи, тотъ невольно воспоминалъ о Воронцовѣ, и при имени Воронцова, представлялся весь Новороссійскій край. — Каково же было для обоихъ, когда услышалось, что знаменитый Областеначальникъ внезапно *творится далечайше идти!* *) Тогда и старые и юные, — въ семъ градѣ особенно, — готовы были возопіять къ нему гласомъ учениковъ Еммаусскихъ: *облязи съ на-*

*) Лук. XXIV, 28.

ми, яко къ вечеру есть, и преклонился есть день! *)

Да, брат. мои, день жизни Почившаго въ Бозѣ Князя видимо уже и тогда началъ преклоняться къ своему западу; но не преклонялась, нисколько не ослабѣвала его любовь къ отечеству, его преданность Монарху, его усердіе къ исполненію своего долга. Въ семъ отношеніи, — для исполненія воли Царевой и для блага Отечества, — онъ всегда готовъ былъ на то, чтобы *сѣнь степеней, имиже сниде солнце* **) его жизни, возвратилась вспять, — какъ это было нѣкогда во увѣреніе Езекіи, — дабы снова понести всю тяготу и весь зной труда цѣлодневнаго.

Неукротимый Кавказъ потребовалъ новаго противъ себя Военачальника: Монархъ требуетъ отъ правителя Новороссіи новой жертвы — принять на рамена свои этотъ великій подвигъ; — и Воронцовъ, забывъ преклонность своихъ лѣтъ, оставивъ столь любимое и блистательно проходимое имъ столько времени попри-

*) Лук. XXIV, 29.
**) Исаі. XXXVIII, 8.

ще, идетъ, куда призыватъ его гласъ Монарха, идетъ, облеченный новымъ высокимъ званіемъ Намѣстника царскаго, и сопутствуемый благожеланіями и надеждами цѣлой Россіи.

Какъ должно было забиться сердце семидесятилѣтняго воина, когда взору его открылись опять тѣ горы и дебри, среди коихъ, за полвѣка назадъ, началъ онъ изучать страшную, но необходимую, науку брани! Здѣсь онъ долженъ былъ, такъ сказать, дать отчетъ въ урокахъ предъ первоначальнымъ учителемъ своимъ — Кавказомъ; и далъ оный такъ, что сѣдовласый учитель не могъ не остаться доволенъ своимъ, такъ же убѣленнымъ отъ времени, ученикомъ!.. Въ самомъ дѣлѣ надъ Почившимъ въ это время какъ будто повторилось въ исполненіи оное вдохновительное обѣтованіе Пророка: *обновится, яко орля, юность твоя* *) !

Послѣ необходимыхъ предварительныхъ обозрѣній, немедленно приняты всѣ мѣры, чтобы врагу продерзому и надменному не дать ступить ни шага далѣе. А дабы надолго отнять у него

*) Пс. CII, 5.

духъ и надежды, вскорѣ проникнуто — съ оружіемъ въ рукахъ — до самыхъ послѣднихъ его убѣжищъ, то есть, до самыхъ неприступныхъ ущелій и вертеповъ. Свидѣтель тому, кромѣ другихъ неприступныхъ мѣстъ, Дарго. Вы знаете, какъ громко раздалось паденіе его и по всему Кавказу, и по всей Россіи; — громко и по причинѣ пораженія врага, считавшаго себя недосязаемымъ, и по той крайней опасности, коей, наряду съ послѣднимъ воиномъ, подвергалъ себя въ сію брань самъ Военачальникъ.

Поелику кромѣ горъ, потоковъ и непроходимыхъ лѣсовъ, врагу всего болѣе благопріятствовала развлеченность нашихъ силъ и неудобность соединять ихъ скоро въ одномъ мѣстѣ—по крайней трудности сообщеній: то, въ отвращеніе сего неудобства, непроходимые лѣса исчезаютъ, гребни горъ понижаются, глубокіе дебри наполняются, ярость потоковъ обуздывается прочными переправами; — и врагъ самъ начинаетъ подвергаться той внезапности, которою непрестанно угрожалъ намъ: гдѣ была отверстая дверь для татя, тамъ находитъ онъ твердыни, его поражающія. Такимъ

образомъ въ немногіе годы образуется цѣлая новая система дѣйствій военныхъ, состоящая въ томъ, чтобы держать врага въ замкнутомъ кругу, который, постоянно дѣлаясь уже, долженъ наконецъ сомкнуться надъ главою его, и такимъ образомъ отнять у него возможность не только къ нападенію на насъ, но и къ самому существованію.

Столь упорная брань и непрерывные подвиги военные не препятствуютъ между тѣмъ для Почившаго къ разнообразнымъ трудамъ на поприщѣ управленія гражданскаго. И за Кавказомъ, какъ у насъ, города и села возникаютъ вновь, или принимаютъ лучшій видъ; всѣмъ частямъ края дается новое очертаніе и разумный обликъ; взаимныя отношенія племенъ и сословій выводятся изъ неблаготворной темноты и вредной неопредѣленности; расширяются и углаждаются пути для торговли и промышленности; отнимаются преграды къ развитію народнаго духа и богатства, съ указаніемъ для сего мѣстныхъ источниковъ; полагается прочное начало къ усвоенію самой землѣ новыхъ, полезныхъ произрастеній,

и къ извлеченію изъ нѣдръ ея разныхъ сокровищъ, въ ней безплодно лежавшихъ.

Кромѣ вещественнаго усовершенствованія всего края, дается благотворное движеніе уму и способностямъ: тамъ, гдѣ не знали почти другаго свѣта, кромѣ солнечнаго, начинаетъ разливаться, — и не изъ одного средоточія — свѣтъ наукъ, озаряя собою, какъ солнце, не одинъ какой либо классъ жителей, а всѣ сословія; тамъ, гдѣ почти не слышно было ничего, кромѣ печальныхъ извѣстій о завалахъ Казбека и Ельборуса, о набѣгахъ Лезгинъ и Чеченцевъ, начинаютъ быть слышимы, даже на туземномъ языкѣ, постоянныя вѣсти о событіяхъ домашнихъ и всеміриыхъ, о всякаго рода полезныхъ изобрѣтеніяхъ. Кавказская природа, съ ея отличительными свойствами, подвергнута во всѣхъ видахъ постоянному наблюденію; нравы и характеръ жителей, мѣста, по чему либо особенно примѣчательныя, описываются; древнія преданія и событія извлекаются изъ забвенія; туземная святыня возстановляется; родные краю языки и нарѣчія оживаютъ новою жизнію. Нѣтъ болѣе сре-

достѣнія между обитателями по ту и по сю сторону Кавказа; — и благодарные сыны Иверіи, видя столько знаковъ отеческой заботливости о судьбѣ ихъ, спѣшатъ отъ сердца соединиться съ коренными чадами великаго отечества въ единомъ и томъ же духѣ любви и преданности къ Монархамъ.

Отъ столь прилежнаго и обильнаго сѣянія, рукою искусною, въ странѣ, могучей и природою и духомъ, какой нельзя было ожидать богатой жатвы? Послѣ такихъ трудовъ—некратковременныхъ, неутомимыхъ, разнообразныхъ, какъ отрадно было бы главному дѣлателю взглянуть самому на рукояти плодовъ, имъ возращенныхъ? Но, не напрасно произнесено нѣкогда Спасителемъ оное таинственное слово: *инъ есть сѣяй, и инъ есть жняй*! *)

Въ то время, какъ все привязывало Почившаго Военачальника къ его Кавказу, и оконченные труды, и неконченныя предпріятія, въ особенности новая, видимо приближавшаяся, небывалая по лютости своей, буря брани, которую,

*) Іоан. IV, 37.

если кто могъ срѣтить съ надеждою на успѣхъ, то онъ, — въ это самое время жестокій недугъ отъемлетъ у него тѣлесныя силы до-того, что принуждаетъ оставить поприще не только военачальника, но и областеправителя, удалиться даже навсегда изъ предѣловъ Кавказа, дабы искать исцѣленія за предѣлами Отечества.

Можете судить, что долженъ былъ чувствовать и какъ сокрушаться духомъ болящій Герой, во все продолженіе этой ужасной по многимъ отношеніямъ брани!—Въ самомъ дѣлѣ, вообразите: мирные, оратаи по всѣмъ краямъ Отечества оставляя поля и плуга свои, спѣшатъ въ ряды рати отечественной; а онъ, герой 1812 года одинъ изъ побѣдителей Парижа, онъ Правитель тѣхъ самыхъ областей, гдѣ во всей силѣ разгарался пламень войны,— Онъ въ это самое время долженъ былъ возлежать на одрѣ недуга, и только молитвою и совѣтами участвовать въ подвигахъ своихъ собратій по оружію!—Такое положеніе было тяжелѣе для героя самой смерти; и оно-то, безъ сомнѣнія, истощило до основанія елей жизни въ томъ

Торжкѣ товары грузились въ лодіи, и поднимались по Тверцѣ.

Въ XIV и XV вѣкахъ особенно важенъ былъ торгъ на Мологѣ: при устьѣ этой рѣки существовалъ *Холопій городокъ*, куда съѣзжались на лѣтнюю ярмарку купцы Нѣмецкіе, Польскіе, Литовскіе, Итальянскіе, Греческіе и Персидскіе. Казна въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ ярмарки собирала огромную пошлину. Безчисленныя суда покрывали Волгу, шатры занимали необозримый Моложскій лугъ, и народъ веселился въ 70-ти питейныхъ домахъ. — Эта ярмарка слыла первою въ Россіи до XVI вѣка (*).

(*) Въ одной рукописи, хранящейся въ Синодальной библіотекѣ подъ № 529, сказано, что серебра пошлиннаго собирали по 180 пудовъ, или по 70,000 рублей.

напр. о той любви къ истинѣ и правдѣ, по коей онъ всегда готовъ былъ, по выраженію св. Давида, свидѣтельствовать о нихъ *предъ Цари* и не смущаться *); о томъ величіи души, для коего такъ легко было забывать всѣ, нанесенныя ему кѣмъ либо непріятности, и такъ трудно не памятовать о самыхъ неважныхъ услугахъ и одолженіяхъ; о томъ безпристрастіи и радушіи, для коихъ все доброе и общеполезное равно было отрадно и достопочтенно, кѣмъ бы и гдѣ бы ни было сдѣлано; о той доступности и долготерпѣніи, съ коими принимаемъ и выслушиваемъ былъ каждый, ищущій правосудія, или милости; о томъ благородствѣ души и благотворительности, по коимъ Почившій не щадилъ собственнаго достоянія, когда нужно было поощрить какое либо благое предпріятіе, или оказать помощь истинно-нуждающемуся.

Обозрѣвъ такимъ образомъ, хотя кратко, все земное поприще Почившаго въ Бозѣ Князя, не должны ли мы, брат. мои, и въ заключеніе нашего слова сдѣлать тоже самое, что сдѣлали въ началѣ

*) Псал. СХIII, 46.

его, то есть, обратиться къ Господу и Владыкѣ жизни и судебъ нашихъ съ чувствомъ живѣйшей благодарности уже не только за дарованіе Почившему, при самомъ рожденіи, такихъ многихъ и прекрасныхъ талантовъ, но и за то, что, безъ сомнѣнія, при помощи Егоже всемогущей благодати, сіи таланты не остались погребенными въ землѣ, а явились во всей силѣ и блескѣ, бывъ употреблены такъ благоуспѣшно на пользу общую?

Да, брат. мои, не одинъ св. Павелъ, но и всякій, кто удостоился подвизаться добрымъ подвигомъ на земли, долженъ при концѣ своего подвига сказать изъ глубины души: *Благодатію Божіею есмь, еже есмь!* *).

Но, что слышится мнѣ?... Изъ гроба исходитъ какъ бы нѣкій тайный гласъ и вѣщаетъ ко мнѣ: » служитель Бога истины, за чемъ, увлеченный пріязнію ко мнѣ, забылъ ты при гробѣ моемъ о немощи естества человѣческаго, и не сказалъ ни слова о душевной нечистотѣ моей предъ Богомъ, о моихъ вольныхъ и не-

---

*) 1 Кор. XI, 10.

вольныхъ грѣхопаденіяхъ? Мнѣ ли, проведшему большую часть жизни среди бурь военныхъ, хвалиться точнымъ исполненіемъ высокихъ правилъ Евангелія и любви христіанской? Мнѣ ли, обращавшемуся непрестанно среди вихря человѣческихъ страстей и праха житейскихъ попеченій, сохранить яснымъ зерцало совѣсти и чистоту очей сердечныхъ?

Итакъ, по самой любви твоей ко мнѣ, не усомнись возвѣстить въ слухъ всѣхъ, окружающихъ теперь гробъ мой, что я не былъ въ дому Божіемъ тѣмъ, всегда вѣрнымъ дѣлателемъ и приставникомъ, коему, по окончаніи земнаго странствія и труда, остается только — *внити въ радость Господа своего* *). Нѣтъ! Моя надежда предъ судомъ Божіимъ не въ громкихъ дѣяніяхъ и блистательныхъ подвигахъ, а въ чистосердечномъ признаніи моихъ грѣховъ и въ живой вѣрѣ въ силу искупительной крови Агнца Божія, закланнаго за грѣхи всего міра.»

Слышимъ, слышимъ, возлюбленная душа, гласъ смиренія твоего — и, оста-

---

*) Мат. XXV, 21.

вивъ всякое витійство, обратимся отнынѣ всецѣло къ молитвамъ о упокоеніи Тебя въ обителяхъ Отца небеснаго, ради единыхъ крестныхъ заслугъ Сына его.

Служители алтаря! предначните исходныя пѣсни, коими св. церковь сопровождаетъ въ вѣчность и самаго перваго, и самого послѣдняго изъ чадъ своихъ, предоставляя всѣхъ и каждаго изъ нихъ единому милосердію Божію.

Сподвижники отходящаго съ браннаго поля земной жизни Героя-христіанина, взгляните еще разъ на это разнообразіе, и отечественныхъ и чужеземныхъ, отличій, окружающихъ въ такомъ множествѣ гробъ сей, и уразумѣйте изъ сего, что вся слава земная остается на землѣ, а въ вѣчность идутъ за человѣкомъ одни дѣла его, по коимъ онъ или осудится, или будетъ помилованъ Судіею живыхъ и мертвыхъ.

Жители Одессы, толико любимые Почившимъ и столько его любящіе, сопроводите послѣднее отшествіе его отъ насъ не однимъ гласомъ благохваленій и скорби о лишеніи благодѣтеля, а и сердечнымъ молитвеннымъ воздыханіемъ о

немъ къ Отцу духовъ и всякія плоти, да воздастъ ему за васъ по преизбытку милосердія и щедротъ своихъ.

А Ты храмъ Господень, видѣвшій надъ собою столько знаковъ его христіански-сыновняго попеченія о тебѣ, окажи теперь и ему послѣднюю услугу, пріявъ на храненіе внутрь стѣнъ твоихъ ветхую и опустѣвшую земную храмину, въ коей виталъ безсмертный духъ его, и блюди ее дотолѣ, пока настанетъ день всеобщаго обновленія, когда сѣемое нынѣ въ тлѣніе востанетъ въ нетлѣніи, сѣемое не въ честь, востанетъ въ славѣ, и изъ посѣяннаго теперь тѣла душевнаго востанетъ тѣло духовное, неразрушимое, безболѣзненное, свѣтоносное! *) —Аминь.

*) 1, Кор. XV. 43-44.

